Сидорчук И.В.**Социология девиантного поведения и изучение истории досуга в России 1920-х гг.***Социологический институт Российской Академии наук**doi:10.18411/spc-01-12-2017-04**ids: 000001:spc-01-12-2017-04*

Проблема изучения истории девиантного досуга тесно связана с изменением отношения социологии и криминологии к феномену девиации и путей ее рассмотрения. Социология девиации начала развиваться достаточно поздно, и все еще не является когерентной наукой – многие ее выводы оказываются спорными. В связи с этим, не удивительно, что один из немногих исследователей теории девиантного досуга К. Роджек указывал на то, что до сих пор нет заслуживающих внимания традиций его изучения, так как долгое время он осуждался, но его не старались понять [1, р. 83].

Рассмотрение девиантологических теорий показывает, что в рамках рассматриваемой нами проблематики часть из них приходится признать неактуальными, так как они созданы на западном материале, исследующем капиталистическое общество, не затронутое политическими революциями. В частности, речь идет о современных постмодернистских теориях, в которых очень силен дух неомарксизма. Среди представляющихся нам востребованными стоит выделить зародившийся и получивший развитие во второй половине XX в. «конструктивистский» подход, в рамках которого девиантные практики воспринимаются как социальные «конструкты». В данном случае в их создании оказывается важной роль политических решений, СМИ и пр., что помогает при поиске «козла отпущения». Данный подход вполне применим при изучении советской истории 1920-х гг., когда многие девиации рассматривались как пережитки прошлого мироустройства. С этим связано либеральное отношение в первое постреволюционное время к проституции, гомосексуализму, наркомании, отчасти хулиганству и др. С ними боролись, но не уголовными методами, а пропагандой, лечением, социальной реабилитацией. Принципиальным является осознание историком релятивности социальной нормы, того, что «те или иные виды, формы, образцы поведения “нормальны” или “девиантны” только с точки зрения сложившихся (установленных) социальных норм в данном обществе в данное время (“здесь и сейчас”))» [2, с. 10]. Особенно актуальным это оказывается при изучении обществ, в которых происходит культурная революция (инициированная сверху или снизу). В Октябре 1917 г. к власти пришли те, чьи взгляды, и далеко не только политические, до этого часто рассматривались как девиантные, асоциальные, «вредные», и понимание процесса перемены отношения к ним является ключевым моментом при исследовании повседневной истории периода.

Нельзя обойти вниманием вклад в девиантологию Э. Дюркгейма, автора первой развернутой теории девиантности. По его мнению, преступность является «неотъемлемой частью всех здоровых обществ» [3, с. 39-40], нормой, ее нельзя искоренить, можно лишь добиться ее стабильного уровня. Это осуществимо только в стабильном обществе, тогда как в условиях социальных изменений и дезорганизации наблюдается состояние аномии. Оно характеризуется ситуацией «конфликта норм» или «нормативного вакуума», когда старые нормы уже не работают, а новые лишь в процессе создания и абсорбации обществом. Данный феномен он рассмотрел в работах, посвященных проблеме самоубийств – в переходные периоды их число возрастает. Также он указал на то, что девиантное поведение может быть лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит. Соответственно, мы можем добавить,

что оно может быть и воспоминанием о морали прошлого. Распространенность ряда девиантных практик 1920-х гг. подтверждает эту мысль.

Социальные условия как причина девиации рассматривалась Р. Мертоном [4]. Социальное напряжение, вызванное жесткостью классовой структуры, ситуацией неравных возможностей и несправедливости, закономерно приводит к девиантному поведению представителей ущемленных слоев. Представляется, что с этим явно коррелирует распространенная в западной историографии мысль о том, что девиантное поведение часто является протестом против жестких политических или социальных рамок. В частности, хулиганство и гражданское неповиновение английских рабочих помогали им порвать узлы покорности и почтительности, навязываемые традиционными социальными институтами [5]. Применительно к России 1920-х гг. схожие выводы делаются при анализе девиантного поведения молодежи, для которой оно было отрицанием навязываемых властью норм и практик [6, р. 191]. При этом большинство исследователей сходится во мнении о бесполезности борьбы с девиациями путем жестких запретов. Чем более практики противозаконны, тем они более привлекательны, и обращение к ним важно при изучении формирования альтернативных идентичностей и субкультур [1, р. 100].

К девиантному поведению может приводить и конфликт культур. Данная концепция была разработана Т. Селлиным [7, р. 217-218]. Ситуация, когда представители разных культур попадают в одну среду, часто приводит к столкновениям. В частности, нормы жителя деревни, недавно переехавшего в город, будут иными, чем у представителя коренного населения. И, наоборот, поведение горожанина в деревне может привести к конфликту с местным населением, так как его нормы будут идти в противоречие с принятыми в сельской местности. Современные исследователи видят основным фактором роста хулиганства в городах как дореволюционной, так и постреволюционной России приток неквалифицированных рабочих из деревни, которым было трудно найти себя в новых условиях [8, р. 232; 9, р. 114].

Представляется, что весьма актуальным является обращение к теории стигматизации (клеймения). Один из ее создателей, Г. Беккер, в работе «The Outsiders» (1963) указал на то, что представление о девиации создается обществом, обозначающим таким образом то или иное неприемлемое для него явление и определяющим правила идентификации девианта. Эти правила применяются к отдельным людям, на которых вешается клеймо аутсайдеров [10, р. 8-9]. Обращая, прежде всего, внимание не на причины, а на значение отклонений, сторонники концепции приходят к выводу, что такое клеймение лишь способствует развитию девиантной карьеры. Они также полагают, что при определенных условиях чрезмерный социальный контроль становится фактором развития девиантной идентичности. Согласно Ю.Ю. Комлеву основу теории стигмы составляют два принципиально важных положения: «Во-первых, отклоняющееся поведение следует интерпретировать не как нарушение социальной нормы, признак предрасположенности индивида или качество социального действия, а как результат его символического определения, наклеивания девиантного ярлыка в ходе социальной реакции. <...> Во-вторых, «клеймение» порождает и усиливает девиантность. В этом смысле отклоняющееся поведение – это ответ индивида на стигматизацию, что ведет ко вторичному отклонению, в ходе чего формируются девиантная идентичность и карьера» [11, с. 6-7].

Таким образом, при изучении истории девиантного досуга в Советской России 1920-х гг. для историка является очевидной польза обращения к достижениям социологии девиации. Ряд теоретических подходов, разработанных в ее рамках, в частности, теория конфликта культур, стигматизации и др. могут способствовать более конструктивному освещению этих страниц отечественной истории, пониманию

уникальности «духа времени», особенностей формирования повседневной культуры и общественных норм в постреволюционных условиях.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 17-03-00799.*

1. Rojek C. Decentring leisure. Rethinking leisure theory. London: SAGE Publication, 1995.
2. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.
3. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. (Соврем. буржуазные теории): Сборник статей. М., 1966. С. 39-44.
4. Merton R.K. Social structure and anomie // American sociological Review. 1938. Vol. 3. Issue 5. P. 672-682.
5. Humphries S. Hooligans and Rebels: An Oral History of Working-Class Childhood and Youth 1889 - 1939. Wiley-Blackwell, 1995.
6. Gorsuch A.E. Soviet youth and the politics of popular culture during NEP // Social History. 1992. Vol. 17. Issue 2. P 189-201.
7. Vito G.F., Maahs J.R, Holmes M.R. Criminology: Theory, Research, and Policy. Jones & Bartlett Learning, 2006. 496 pp. P. 217-218.
8. Neil B. Weissman Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905-1914 // Slavic Review. Vol. 37. No. 2 (Jun., 1978). P. 228-240.
9. Hatch J. Hangouts and Hangovers: State, Class and Culture in Moscow's Workers' Club Movement, 1925-1928 // The Russian Review. Vol. 53. No. 1 (Jan., 1994). P. 97-117.
10. Becker H. The Outsiders. London; New York: Collier-Macmillan Free press of Glencoe, 1963.
11. Комлев Ю.Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 6-14.